

Чеснокова Леся Владимировна,
кандидат философских наук, Омск
L.Tchesnokova@mail.ru

Бидермайер: эпоха буржуазной приватности в европейской культуре

Аннотация. В статье рассматривается стиль бидермайер, существовавший в Европе в 1815–1848 гг., в эпоху интенсивного развития буржуазной культуры. В этом стиле отражены буржуазные ценности: трудолюбие, честность, верность долгу, семейственность, индивидуализм. Важную роль играет сфера приватного как пространства уюта, покоя и гармонии, защищающая человека от конфликтов и угроз внешнего мира. Бидермайер стал именем нарицательным для изображения частной жизни, которая воплощает интересы обычного «маленького» человека.

Ключевые слова: бидермайер, буржуазная культура, приватность, индивидуализм, уют, дом, Новое время, культура повседневности.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Ироничное название стиля «бидермайер» произошло от литературного псевдонима двух поэтов: Людвига Эйхродта и Адольфа Куссмауля, которые под псевдонимом Готтлиб Бидермайер публиковали сатирические стихотворения в мюнхенском журнале “*Fliegende Blätter*”. Господин Бидермайер, по замыслу авторов, – типичный мелкий бюргер, воплощение обывательского здравого смысла (подобно нашему Козьме Пруткову). Фамилия этого вымышленного персонажа происходит от немецкого слова “*bieder*” – честный, но недалекий, обывательски ограниченный.

Этот стиль получил распространение в Европе в период 1815–1848 гг. (после Венского конгресса и до Мартовской революции), главным образом в Германии и Австрии. В качестве причин возникновения этого стиля в Европе исследователи называют усталость от социальных и политических катаклизмов эпохи наполеоновских войн, вызвавших в бюргерском обществе желание «отмежеваться от общественных проблем и глобальных катаклизмов, ограничиться комфортным существованием в своем “уютном мире”» [1]. На смену революционным потрясениям пришла потребность в спокойной, умиротворенной жизни.

Кроме того, в эту эпоху в Германии наступил период реставрации, когда были ликвидированы преобразования наполеоновской Франции, усилилась система слежки и произвола властей. Была усилена цензура против политической оппозиции. Самой известной жертвой среди свободомыслящих поэтов того времени стал Генрих Гейне, который был вынужден в 1831 г. эмигрировать в Париж. Буржуазная общественность Германии, в отличие от буржуазии соседних стран, таких как Англия и Франция, не имела политического влияния и была вынуждена довольствоваться семейной сферой и культивированием частной жизни.

Согласно повсеместно распространенным представлениям, бидермайер считается воплощением «добрых старых времен», эрой частной жизни и уюта. Прелестные детские головки, бюргеры, преисполненные чувства собственного достоинства, изящные дамы, собирающиеся в теплом семейном кругу, уютные интерьеры и живописные городские улицы – подобные образы создают впечатление об этой эпохе.

Наибольшее распространение бидермайер получил в Германии и Австрии, а также в Дании и Нидерландах. Имеются его следы и в других европейских странах. В России этот стиль затронул прежде всего европеизированные слои населения, так как

здесь довольно поздно произошел отход от традиционного сознания. «Переход к тихому и размеренному существованию после кровопролития наполеоновских войн получил новый и важный смысл: открылось ранее неизвестное значение привычного» [2]. Бидермайеровская эстетика скромного частного уюта встречается у Пушкина в «Повестях Белкина» и других авторов того времени, а также у художников В. Тропинина, А. Венецианова и П. Федотова, выступая как антитеза холодной и официозной петербургской действительности.

Примерно в это же время получает развитие термин «уют» как чувствительность к индивидуализированному и антропоморфизированному жилому пространству, что было связано с процессом индивидуализации сознания. Феномен уюта отражает потребность человека «индивидуалистической эпохи в воссоздании соразмерного ему мира в пространстве частной жизни, в пространстве камерном, интимном. Внимание здесь переносится с соответствия интерьера структуре мирового порядка (ладный дом) на то, как “дышится” человеку-монаде в замкнутом жилом пространстве (интерьер с позиций частного лица)» [3].

Бидермайер – это не просто стиль, а отражение общественной атмосферы эпохи, образа жизни, вкусов и мировоззрения представителей бюргерства. Это комплексное явление, отразившее литературу, философию, искусство, обыденное сознание своего времени. По словам Е. Р. Ивановой, «основополагающими аксиологическими характеристиками стиля бидермайер является аполитичность, приватность, бесконфликтность» [4].

Определяющее влияние на развитие этого стиля оказало буржуазное мировоззрение. Немецкое искусство первой половины XIX в. характеризовалось тем обстоятельством, что бюргерство стало конкурировать с дворянством как заказчик произведений искусства. Стиль бидермайер соответствовал образу жизни, возможностям, а также духовным и материальным запросам представителей буржуазных слоев. В Европе XIX в. происходит стремление к индивидуализации, рост образованного и состоятельного среднего класса. Моду и стиль теперь определяют не только аристократия и церковь.

Буржуазная повседневная культура в Германии находилась в определенной идейной конфронтации с культурой дворянской. После французской революции и нашествия наполеоновских войск, продемонстрировавшего бессилие немецких князей, господство аристократии было дискредитировано. Буржуазия осознавала себя в качестве основной силы сопротивления чужеземному влиянию.

Свойственное бидермайеру предпочтение картин маленького и среднего формата указывает на основного заказчика – бюргера небольшого или среднего достатка. Живопись бидермайера «льстит его гордости собственника, соответствует его оседлости и любви к малой родине, удовлетворяет его потребности в религиозном и моральном поучении, украшает жилое пространство и не в последнюю очередь является доказательством подобающим его рангу духовных интересов» [5].

Недаром бидермайер характеризуют еще как бюргерскую эпоху в культуре, когда на первый план стали выходить ценности повседневной, буржуазной, городской жизни; домашний мир «маленького человека», обывателя и мещанина, которому свойственны определенная узость горизонта, ограниченность на маленькой приватной сфере жизни и педантичная честность.

Придя на смену «пафосному и нежилному ампиру, бидермайер принялся воспевать уют, простые человеческие ценности, удобство и семейное счастье» [6]. На картинах того времени перед зрителем во всех подробностях предстают домашний быт и тихие семейные радости благопристойного бюргера. Трудовой этос буржуазии: прилежание, честность, верность долгу – разрешал отдых за домашним музицированием

или во время небольших прогулок. Благодаря росту благосостояния теперь можно было пить из изящного фарфора кофе или горячий шоколад – роскошь, которая ранее была доступна только дворянству.

Относительно небольшую часть этого нового класса составляли предприниматели, преимущественно же это были ремесленники, духовные лица, учителя, средние и мелкие чиновники, а также представители так называемых «свободных профессий»: врачи, адвокаты, художники, писатели... Довольно большую группу среди буржуазии составляло чиновничество, которое отличалось особым консерватизмом и конформизмом. Однако больше всего было торговцев и ремесленников. Представители мелкого и среднего буржуазного классов были теми, кто определял характер бидермайера. Они стремились к покою и консервативному порядку, надежности своих капиталов и патриархальной семейной жизни. Несомненно, повышенная тяга к покою и стабильности во многом была вызвана социальными и экономическими потрясениями эпохи наполеоновских войн.

К тому же Просвещение, буря и натиск, классика и романтика были движениями, затронувшими только образованные слои. Масса же мелкой буржуазии сохраняла патриархальные жизненные установки, которые находили свое воплощение в фигурах местных правителей. Те, в свою очередь, «стремились представить себя как можно проще и ближе к народу и инсценировать в своей семейной жизни образ верности, заботливости и честности» [7]. Недовольство властями отошло на задний план, во всяком случае, оно не заходило так далеко, чтобы поставить под вопрос основы господствующего порядка.

Бюргерству принято приписывать определенную узость мировоззрения. Наряду с экономической отсталостью причиной тому была также территориальная разделенность Германии. Большинство населения на протяжении всей своей жизни никуда не выезжало за пределы своего маленького округа. О политических событиях оно знало мало и мало ими интересовалось.

В непосредственной связи с общественными изменениями этого времени, обусловленными формированием буржуазной культуры, стоит разделение публичного и приватного пространства. Стремление к уюту – это с исторической точки зрения относительно новый феномен, существующий с конца XVIII в. и получивший особенное распространение в XIX в., что объясняется развитием буржуазного общества. Для буржуазной культуры характерен специфический репертуар ценностей и образцов поведения: «регулярная работа, стремление к рациональности, притязания на экономическое вознаграждение, социальный престиж и политическое влияние, стремление к самостоятельности и особая ценность семьи как сферы приватной жизни» [8].

Проживающая в быстро растущих городах буржуазия Германии стремилась к обустройству своего приватного пространства, что было связано с пространственным, временным и поведенческим разделением между миром профессии и семейной жизнью. Результатом модернизации явилось разделение публичной и приватной сфер в связи с развитием современного государства и индустриализации в XIX в.

Буржуазия чувствовала себя отделенной от других социальных слоев, прежде всего рабочего класса и аристократии. По отношению к низшим слоям отличительным признаком являлось наличие досуга, предполагавшего достаточный для того времени уровень благосостояния. В отличие же от аристократии с ее строгим этикетом и внешней репрезентативностью утверждалась ценность семьи и «душевное, искреннее, глубокое бытие бюргерства, где в первую очередь ценились такие качества, как честность, индивидуализм и развитие личности» [9].

Это вело к поляризации приватной и публичной сфер. Область приватного появляется как противоположность «работе», где человек принадлежит не самому себе, а выполняет какую-то функцию, играет социальную роль, не может ничего изменить, а сам должен приспосабливаться к условиям окружающей среды. В собственном же доме человек может хотя бы на время забыть о своих проблемах и заботах, попытаться создать настроение, спасающее его от тревоги и неприкаянности.

Семейное общение, особенно совместные трапезы, получали тем большее значение, чем сильнее уменьшалось время, проводимое дома, в XIX в. Ценность домашней жизни свидетельствует о потребности в психологической компенсации. Поэтому приватный мирок является противоположностью жесткой и бесчувственной реальности мира зарабатывания денег и профессиональной жизни.

Происходит идеализация домашней сферы, которая описывается как некое пространство для человека, находящегося в гармонии с Богом и миром, характеризующееся досугом, комфортом и семейной гармонией. Здесь нет диссонансов, конфликтов, угроз и напряжения внешнего мира. Иными словами, приватная сфера была поначалу буржуазным концептом, служившим для восстановления сил, стремящимся компенсировать заботы повседневности.

Собственник во времена бидермайера был прежде всего домовладельцем. Дом служил жилищем для целой семьи. В домах часто также были комнаты или целый этаж, который сдавался. В Берлине или Вене целые кварталы были застроены доходными домами. Однако жилое помещение, как правило, было небольшим, и только обеспеченные люди могли позволить себе просторную квартиру. В более бедных слоях населения кухню обычно делили с другими жильцами, не говоря уже о бедняцких кварталах, где зачастую несколько семей были вынуждены ютиться в одной каморке. Комфортабельная городская квартира состояла из «гостиной, столовой, кабинета для хозяина, будуара для хозяйки, спальни, детской, кухни и комнаты для прислуги. Однако в среднем буржуазные квартиры были гораздо меньше из-за дороговизны. Ванные в квартирах были неслыханной редкостью, как и водопровод» [10].

Бидермайер принес изменения стиля и мировоззрения. До этого в эпоху наполеоновской империи господствовал ампи́р как иерархический стиль, подчиняющий интерьер архитектуре, включающий мебель в архитектурное и декоративное оформление внутреннего пространства. Жилье – это резиденция, где происходило регулируемое с помощью этикета действо, словно рассчитанное на внешнего наблюдателя. Это определяло облик отдельных предметов мебели, их роскошное украшение римскими или египетскими мотивами. Большие зеркала, мрамор, строгая симметрия и торжественность убранства – всё это вызывает ощущение официальной холодности и торжественности.

Бидермайер стоит ближе к потребностям обычного человека благодаря таким качествам, как удобство и уместность. Это буржуазный стиль с характерной для него «здоровой приземленностью» и отказом от всего пафосного, роскошного и обманчивого. Простота и естественность противопоставляются пышности и репрезентативности. Его определяющими чертами становятся «простота и функциональность, удобство предметов, классические формы, чуть упрощенные и измененные в угоду практичности, яркость, жизнерадостность тканей – аристократическому шелку и бархату этот стиль предпочел веселый ситец и полосатый репс» [11].

В нем отражается стремление обычного человека к спокойной жизни, к комфорту и уюту. Наиболее характерной чертой бидермайера является любовь к малому, отраженная в отдельном жилом доме или даже комнате, воплощавшими в себе мир простого человека. Здесь «утверждается новая культура обитания, которая порождала

совершенно оригинальные – “удобные” формы мебели» [12]. Это человекосоразмерный стиль, связанный с отказом от публичности, неприязнью ко всему монументальному. В нем происходит поэтизация обыденной жизни, скромных семейных радостей «среднего класса».

Эстетические вкусы в Европе на рубеже XVIII и XIX вв. характеризуются простотой и рациональностью. Живопись отказывается от помпезных исторических сюжетов и находит свою тему в повседневной жизни буржуазной среды: «портретная и жанровая живопись, которая в конце эпохи постепенно приобретает реалистический взгляд и интерес к общественным проблемам, а также критическую окраску» [13].

Происходит отказ от монументальности. Богато украшенные, но холодные и нежилые помещения аристократических стилей, предназначенные для демонстрации богатства и общественного положения своих хозяев, утрачивают свое значение по сравнению с каждодневно используемыми комнатами, скромными, но наделенными собственной индивидуальностью. Развивается уютный буржуазный стиль жизни в «доме, милом доме». Это эпоха, в которой приватная жизнь в кругу семьи и друзей становится важнее, чем потребность в репрезентации вовне. Расточительно-богатая эстетика уступила место более экономичной и практичной.

Интерьеры бидермайера производят впечатление тишины и покоя. Более массивная мебель позднего бидермайера отражает растущее благосостояние буржуазии, хотя в целом меблировка остается скромной. То, что термин «бидермайер» употребляется прежде всего по отношению к мебели, не случайно. Тем самым он точно отображает приватную, буржуазную домашность. Важнейшей целью при обстановке интерьера является его удобство и функциональность, соответствие потребностям обитателей дома и условиям помещения.

Буржуазная культура бидермайера средних и богатых слоев населения отличается от жизни в XVIII в. благодаря постепенному увеличению жилого пространства и намного большему вниманию к индивидуальным и семейным потребностям. Хотя стремление к репрезентации также «не было чуждо буржуазии (гостиная (“gute Stube”), которая в большинстве домов большую часть времени стояла пустая, является свидетельством тому), однако жилые потребности семьи учитывались лучше, чем ранее, и наряду с отдельным парадным помещением существовал также и разумный и удобный порядок, охватывающий повседневную жизнь семьи» [14]. К жилью в бидермайере относился также сад. Если не хватало средств и пространства для большого сада, даже маленькое помещение стремились сделать уютным с помощью цветов и зелени.

Семейные интерьеры, в особенности портреты в интерьерах и изображения внутреннего убранства комнат эпохи бидермайера, давно считаются олицетворением гармоничной частной жизни, ее осуществления в благополучной семье среднего класса. Даже интерьеры без человека дают представление о жизни и личности их обитателей. Художники «портретировали» комнату как человека. «Точно так же, как заказывали изображение любимых ландшафтов, заказывали изображения комнат друзей или известных персон, чтобы как бы духовно присутствовать в их доме» [15]. В изображениях семейных портретов наиболее полно отражается стремление к идиллии и гармонии в приватной жизни, которое являлось важнейшим элементом мировоззрения эпохи бидермайера.

Неразрывно связанный с буржуазной культурой, бидермайер есть образ жизни, основанный на культе семьи, аккуратности, чувстве собственного достоинства и гражданского долга. Возникает эстетика простого и непритязательного бытия, отражающего мировоззрение и духовные ценности простого человека. Популярность приобретает изображение частной идиллии, поскольку «идиллия более всего отвечала общим

чаяниям по своим родовым признакам, требуя согласия действительности с идеалом и воплощения гармонии в отдельном, частном случае» [16]. Каждый более-менее обеспеченный человек стремился запечатлеть себя и свою семью в разные периоды жизни. Сохранилось множество портретов с женами, родственниками, детьми и прочими домочадцами в домашних интерьерах. Излюбленный жанр – многофигурная композиция, включающая всех представителей семьи или детские портреты.

Буржуазный дом и буржуазная семья имели решающее значение для образа жизни и искусства бидермайера. Вплоть до середины века обычной была большая семья, которая, как правило, включала в себя три поколения. Нередко в нее входили и другие родственники, а также старые верные слуги. Семья определяла статус индивида. В то время, когда государство еще не стало социальным институтом, на семье лежали такие функции, как обеспечение и забота в случае болезни или старости, образование и получение профессии для детей.

В бидермайеровском мировоззрении доминировали консервативные элементы. Главой в семейной иерархии был патриархальный отец семейства. Эта структура соответствовала идеологии времен реставрации с главенствующей над всеми сословиями фигурой монарха. Муж был кормильцем и представителем семьи во внешнем мире, а жена как хозяйка дома и мать была центром приватной домашней сферы. В соответствии с библейскими заповедями она подчинялась мужу, была обязана рожать и воспитывать ему детей, создавать отдых от трудов и забот профессионального мира. Женщине были установлены столь тесные границы, что ей почти невозможно было самостоятельно поддерживать какие-то контакты за пределами ее семейного круга. Мужчина же был посредником между семьей и внешним миром.

Считалось, что такое распределение ролей в семье было основано на христианских заповедях. Важную роль играли дети, чьи интересы теперь учитывались намного лучше, чем в XVIII в., что было связано с гуманистическими идеалами Просвещения. Детская одежда более не была миниатюрной копией взрослой моды; отдельной отраслью промышленности становится производство игрушек, выпускается литература для детей, причем не только учебники, но и чтение для развлечения.

К числу основных особенностей этого стиля относится его функциональность. Прежде всего, он распространяется на мебель и произведения декоративно-прикладного искусства. «Практичный бидермайер отбирает только те предметы мебелировки, которые соответствуют его представлению о функциональности и комфорте» [17]. Наиболее популярными становятся предметы мягкой мебели: софы и диваны, мягкие стулья, придающие помещению уют, а также многочисленные комоды, секретеры и стеклянные витрины для хранения и демонстрации различных коллекций хозяев дома. Центром искусства этой эпохи становится жилой дом, даже просто жилая комната. «Бессмысленно говорить о бидермайеровской церкви и бидермайеровских дворцах. Точкой, где соприкасаются друг с другом все искусства, является частный человек» [18].

Еще одна особенность бидермайера – ощущение хрупкости частной жизни. Мир той эпохи подвержен случайностям. Несмотря на кажущуюся беззаботность нарядных дам и господ, прогуливающихся по аккуратным улочкам или музицирующих в уютных гостиных, им хорошо была знакома и темная сторона жизни, скрывавшаяся под лаком буржуазной идиллии. Особенно ярко это мироощущение отразилось в творчестве Э. Т. А. Гофмана, где описывается ткань реальности, которая в любой момент может порваться, и оттуда выглянет что-то жуткое. Наибольший эффект произведения Гофмана, предварившие многие положения психоанализа, имеют на «контрасте от проявления чего-то непонятного и пугающего в обычной человеческой жизни, inferнального зла, которое вдруг обнаруживается посреди уютного бидермайера» [19].

Содержание бидермайеровского искусства буржуазно-приватное, поэтому в выборе сюжетов большую роль играют портрет, семья, жилое помещение. На картинах Г. Метсю («Завтрак»), Я. Стена («Игра в триктрак», «Мать и дитя»), Э. Энгерта («Венский садик») мы видим жизнь простого человека, с его привычными занятиями, маленькими хобби, ощущаем уют домашнего интерьера. Это изображение реальной жизни простого человека, скромной, но вместе с тем стремящейся к уюту, чистоте, обустройству. Художники изображали сентиментально-идиллические картины семейной, часто сельской гармонии. Подобные инсценировки идеального мира без недостатков являлись попыткой защиты от стремительно меняющегося общества модерна.

Так, Людвиг Рихтер изображает беспроblemный уютный мир. Крестьянин со своей семьей у него изображен не как социальный или этнографический тип, он словно выходит из сказки. На его картинах лежит «колдовство сельской ярмарки или послеобеденного отдыха в маленьком городке, тот уютный аромат кофейника и табачной трубки, закапанной воском рождественской елки, похрустывающих в печке дров, свежего белья и свежее испеченного пирога – то есть всего того, что нам представляется при слове “бидермайер”» [20].

Несомненно, самый известный из всех художников бидермайера – это Карл Шпитцвег, изображавший, как правило, юмористические жанровые сценки. Есть фигуры, которые постоянно встречаются нам на картинах Шпитцвега: старые холостяки в шлафроках, солидные господа, прогуливающиеся во фраках и цилиндрах, празднично одетые семьи на прогулке. Чудаки в очках «на охоте за бабочками, поливающие цветы или склоненные над толстыми томами (как правило, в обществе птицы в клетке), служанки у фонтана, которые ненадолго отвлеклись от своей работы, чтобы поболтать. Даже солдаты оставляют свои ратные занятия, в то время как пушки ржавеют на заросших травой крепостных стенах. Мир, который кажется маленьким, почти игрушечным» [21].

Очень популярны были картины, изображавшие интерьеры или людей в интерьерах за домашней работой. Типичная картина бидермайера – девушка в скромной комнате, склонившаяся над шитьем или книгой. Сюжетам присущ домашне-интимный сценарий: цветы в горшках, шитье в руках женщин, простая, но удобная и изящная мебель. Часто встречаются многофигурные композиции: портрет родителей и братьев и сестер, а также изображения с домашними атрибутами: книгой, гитарой, шитьем, домашними растениями, птицами в клетках...

В мебели отражается то значение, которое получила сфера приватного в эпоху бидермайера: она должна быть простой, но красивой формы, удобной и практичной... Комнаты обставлены без репрезентативной цели (за исключением роскошных салонов в домах аристократии и крупной буржуазии), а в интересах семьи, для собственного удобства. Важным критерием расстановки мебели является приспособление к условиям освещения: часто рабочие и туалетные столики ставились у окна, что вызвало целый ряд портретов у окна.

В бидермайере возникает «портрет комнаты» как отдельный жанр. Такие изображения заказывались аристократией и обеспеченной буржуазией для демонстрации своего благосостояния. Речь идет о «памятных картинах, служивших исключительно для частного употребления, не выставлявшихся и не продававшихся. Обитатели этих интерьеров, хотя и не присутствовали на них, однако оставили отчетливые отпечатки своей личности» [22]. Характерна обращенность к приватному жизненному пространству, часто встречаются детальные живописные изображения интерьеров, которые выступают как собственная приватная жизненная сфера.

Бидермайер – это время вхождения понятия «уют» в эстетический опыт и сознание европейца как термина, выражающего эмоциональное состояние душевного комфорта. Уют является феноменом, характерным для Нового времени, так как ранее существовала традиционная культура, в которой человек ощущал себя в гармонии со всем миром и Богом благодаря религиозному сознанию. В Новое время человек утрачивает осознание единства себя с миром, который более не сотворен Богом, и непонятны его назначение и смысл. Человек в нем одинок и испытывает чувства неприютности, неприкаянности и страха.

Отсюда возникает потребность найти – хотя бы на время – собственный приют, убежище, где он вновь бы смог почувствовать душевный покой и комфорт. Он пытается создать свой уютный маленький космос в море бесформенного хаоса, где он спасается от внешнего мира, который теперь таит для него угрозу. Слово «уют» семантически связано с «приютом», то есть местом, где человек может найти покой и защиту от внешнего мира, где его не беспокоят чужие неприятные люди. Уют – это такое «место нахождения, в котором человек чувствует, что он принят, что он не чужой, а родной. Уютное пространство – это пространство антропоморфизированное, одушевленное. Эстетической особенностью уютного места будет не его гармоничность и соразмерность, а то, что оно воспринимается как свое, близкое» [23].

В ситуации экзистенциальной тревоги человек испытывает потребность обретения чувства гармонии, но уже не коллективного, а приватного, в пространстве собственной частной жизни, у своего домашнего очага, среди близких людей. Согласно этому пониманию, потребность в уюте основывается на неприятном чувстве отчужденности, потере индивидуума во внешнем мире. Человек, выходящий из дома, подвергается опасности. Напротив, в своем собственном доме он ощущает комфорт и покой. «С точки зрения психоанализа повышенная потребность в уюте объясняется стремлением найти замену пренатальному опыту укрытости в материнском теле» [24].

Критерий уюта – человекосоразмерность. Теперь индивид комфортно чувствует себя не в роскошном дворце или огромном величественном храме, а в соответствующем его телесным потребностям обзримом и очеловеченном домашнем пространстве. Это ни слишком пустая, ни забитая вещами комната, ни холодная, ни жаркая, ни слишком дорогая, вычурная, но и не слишком бедная, ни стерильно чистая, ни грязная. Пафос и претенциозность мешают чувству уюта, а простота и естественность – способствуют. Уют возникает при отсутствии слишком сильных эмоций, забот и тревог, предлагая человеку отдых от борьбы во внешнем мире. Свобода и покой играют в возникновении уюта решающую роль. Это «проявление самовыражения экзистенции: не нужно подчиняться внешнему давлению и общественным ожиданиям, а можно хотя бы какое-то время посвятить чувствам и предпочтениям, соответствующим собственной личности. Это восприятие выражается в таких понятиях, как автономия и аутентичность. С этой точки зрения уют – это приватное дело каждого индивидуума» [25].

Потребность человека в неприкасаемом приватном пространстве связана с буржуазной эпохой. До этого господствовало коллективное сознание. Для культурной эпохи модерна характерна акцентуация «я», повлиявшая вплоть до сегодняшнего дня на понимание индивидуума и стоящая в тесной связи с феноменом западного индивидуализма. Социальное и духовное развитие Европы в эпоху Нового времени характеризуется все более усиливающейся индивидуализацией. То, что в современном обществе воспринимается как нечто само собой разумеющееся, неповторимость и индивидуальность Я, является историческим результатом развития индивидуальности. Уют – это понятие, которое является выражением индивидуального самоощущения.

На полотнах бидермайера мы наблюдаем это уважение к сфере приватного: «передний план будто срезан: повествователь (он же – зритель) останавливается “на пороге” комнаты, на некотором расстоянии: ничто не может уменьшить дистанцию; вмешательство, сопричастность запрещены» [26]. Эта дистанция выражает не отсутствие интереса к жизни «маленького» человека, а пиетет к приватному бытию индивида.

Бидермайер характеризует уважение к маленьким хобби, проявлениям чудачества – то есть к приватным интересам простого человека. В эту эпоху были популярны различные коллекции: книг, фарфора, всяческих безделушек, выставляемых напоказ в витринах, сервантах и этажерках. Персонажи картин Шпитцвега – это часто чудачки с разнообразными увлечениями: естествоиспытатели-любители на охоте за бабочками, архивариусы-кактусоводы, комнатные ученые, вяжущие на посту солдаты... Все они наделены неповторимыми личными чертами, странными, но тем не менее симпатичными. То, что «в глазах Шпитцвега статус чудака и человеческое достоинство не являются взаимоисключающими свойствами» [27], доказывает его самая известная картина «Бедный поэт» (1839), на которой изображен лежащий на матрасе в бедной комнате с протекающим потолком поэт в окружении толстых фолиантов. Сочувствие вызывает его храбрость и верность своим интересам.

Романтики и революционеры высмеивали бидермайера как мелкий, лишенный возвышенных устремлений стиль, любимый мещанами и обывателями. В Германии появилось особое слово «филистер» – обыватель в колпаке и халате с трубкой, стремящийся лишь к спокойной размеренной жизни и материальным благам, человек без духовных интересов, который, подобно устрице, скрывается в своем тесном мирке. По словам А. Шопенгауэра, «человек, не имеющий вследствие – нормальной, впрочем, – ограниченности своих интеллектуальных сил, никаких духовных потребностей, называется филистером» [28].

В интеллектуальной левой среде мещанский уют воспринимается как специфическое выражение мелкобуржуазного стиля жизни и духовности. С этими образами имплицитно связывается неприязнь к внешнему миру и ограниченность на своем ближайшем тесном мирке. С этой точки зрения «уют коннотируется с аполитичностью и отсутствием общественных интересов, а также с избытком довольства собственной жизнью, которое легко может превратиться в отторжение реальности» [29].

В России такой же критике со стороны левых интеллектуалов подвергалось мещанство как апофеоз «буржуазной действительности». Их обвиняли в узости мышления, отсутствии интереса к общественным проблемам, политической жизни. Термин «мещанин» польского происхождения, от слова *mieszczanin* – горожанин, подобно немецкому *Bürger* или французскому *bourgeois*. Сначала обозначало просто общественную прослойку людей слой городских ремесленников, мелких торговцев, потом стало именем нарицательным в результате критики революционеров. Мещанскому образу жизни приписывались такие черты, как посредственность и эгоизм. В публицистике возвышенные устремления, духовные, общественные интересы противопоставлялись интересам личным, семейным, стремлению обустроить свою жизнь и быт как что-то несовместимое.

Для революционных критиков буржуазный уют с ковриками и канарейками, семейным благополучием и отказом борьбы за любые идеалы представлялся чем-то бесконечно пошлым. Возвышенные надындивидуальные романтические идеалы не принимают во внимание простые потребности и мечты обычного человека. «Романтики не хотели (и не могли) принять за норму тот тип человека, который свои представления о достойной жизни связывал с теплом и уютом домашнего очага, с душевным покоем и общением в тесном кругу родных и близких» [30].

Однако в настоящее время возрождается интерес к повседневности, к жизни простых людей, их сознанию и ценностям. Происходит своего рода «реабилитация обывателя, которая должна последовать за осуществленным в гуманитарном знании осознанием культурной ценности повседневной жизни» [31]. Обычный простой человек становится главным действующим лицом истории и культуры.

В обществе, уставшем от бесконечных кризисов и потрясений, человек тянется к уюту родного очага, семейной жизни, теплоте общения с родными и близкими. Политическим и экономическим трудностям противопоставляется культ частных чувств. Сфера частного дает простому человеку возможность жить своей жизнью, противостоять манипуляциям власти имущих. Хотя еще недавно было принято свысока относиться к обывденному «мещанскому» сознанию, однако зачастую именно присущий ему житейский здравый смысл помогал бороться с манипулятивными приемами власти. «Мнимая косность масс нередко оказывалась мощным средством сбрасывания идеологических иллюзий, политиканской игры, псевдонаучных экспертиз» [32]. Иными словами, сосредоточенность на своем жизненном мире дает человеку возможность понять свои собственные интересы, дать отпор тем, кто пытается навязать собственную идеологию и заставить действовать в собственных интересах.

Таким образом, бидермайер является стилем, возникшим после эпохи наполеоновских войн, различных социальных и экономических потрясений, вызвавших желание укрыться от разнообразных потрясений в своем частном мире. С другой стороны, интерес к миру частной жизни был обусловлен ростом буржуазного самосознания и связанных с ним ценностей: профессионального успеха и благосостояния и возможности отдохнуть от тревог и забот мира работы в кругу своей семьи, у домашнего очага.

В сознании человека Нового времени происходит разделение публичной и частной сфер. Эпохе бидермайер свойственно стремление к покою и комфорту, ограниченность своими частными интересами, консервативное мировоззрение и отказ от политической борьбы. Бидермайер стал именем нарицательным для изображения частной жизни, которая хотя и остается ограниченной, однако наполнена теплотой, человечностью и правдивостью. Подобное «мещанское» мировоззрение вызывало критику со стороны революционных кругов за отсутствие высоких порывов, эгоцентризм и самодовольство. Однако сейчас возрождается интерес к этой эпохе, ассоциирующейся со «старыми добрыми временами» из-за ускорившегося ритма жизни и тревог современности.

Ссылки на источники

1. Айрапетова В. А. Образ обывателя как культурного героя эпохи в живописи малых голландцев и бидермайера // Царскосельские чтения. – 2010. – № XIV. – Т. I. – С. 112.
2. Вершинина Н. Л. Бидермайер в русской прозе и изобразительном искусстве 1820–40-х годов // Проблемы современного пушкиноведения: сб. ст. / редкол.: Е. А. Маймин, Э. В. Спинаина (отв. ред.) и др. – Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 1994. – С. 179.
3. Лишаев С. А. Уютное место (феномен уюта в эстетике пространства) // Вестник Ленинградского Государственного Университета им. А. С. Пушкина. – 2010. – № 4. – Т. 2. – С. 146.
4. Иванова Е. Р. Бидермейер: проблема стиля // Вестник ОГУ. – 2006. – № 9. – Ч. 1. – С. 169.
5. Geismeyer W. Malerei des Biedermeier. – Leipzig: E. A. Seeman, 1981. – S. 7.
6. Кудрявцева В. В. Особенности стиля бидермайер, его проявления в XXI веке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 11. – С. 325.
7. Geismeyer W. Biedermeier. – Leipzig: E. A. Seeman, 1982. – S. 39.
8. Schmidt-Lauber B. Gemütlichkeit: eine kulturwissenschaftliche Annäherung. – Frankfurt: Campus, 2003. – S. 145.
9. Ibid. – S. 156.
10. Geismeyer W. Biedermeier. – S. 72.
11. Кудрявцева В. В. Указ. соч. – С. 225.

12. Голенок Г. В. Феномен повседневности в культуре // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 213.
13. Lutz D. Wie erkenne ich? Die Kunst des Biedermeier. – Stuttgart: Belser Verlag, 2010. – S. 21.
14. Geismeyer W. Biedermeier. – S. 74.
15. Ibid. – S. 173.
16. Вершинина Н. Л. Указ. соч. – С. 180.
17. Кудрявцева В. В. Указ. соч. – С. 226.
18. Голенок Г. В. Указ. соч. – С. 214.
19. Чеснокова Л. В. Феномен жуткого: опыт философской рефлексии Фрейда и Хайдеггера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4 (66). – Ч. 1. – С. 215–216.
20. Friedel E. Kulturgeschichte der Neuzeit. – München: Beck, 1989. – S. 1003.
21. Nagel J. Carl Spitzweg – Besuche im glücklichen Winkel. – Stuttgart: Belser Verlag, 2008. – S. 14.
22. Lutz D. Op. cit. – S. 96–97.
23. Лишаев С. А. Указ. соч. – С. 146.
24. Чеснокова Л. В. Gemütlichkeit (уют) как один из ключевых концептов немецкой культуры // Философия и культура. – 2013. – № 8 (68). – С. 1125.
25. Schmidt-Lauber B. Op. cit. – S. 59.
26. Вершинина Н. Л. Указ. соч. – С. 182.
27. Nagel J. Op. cit. – S. 72.
28. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости // Шопенгауэр А. Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1993. – С. 217.
29. Schmidt-Lauber B. Op. cit. – S. 44–45.
30. Лишаев С. А. Указ. соч. – С. 147–148.
31. Айрапетова В. А. Указ. соч. – С. 108.
32. Голенок Г. В. Указ. соч. – С. 213.

Lesya Chesnokova,
Candidate of Philosophy, Omsk
L.Tchesnokova@mail.ru

Biedermeier: the era of bourgeois privacy in European culture

Abstract. The article studies the Biedermeier style, which existed in Europe in 1815-1848, in the era of bourgeois culture intensive development. This style reflects bourgeois values: diligence, honesty, loyalty to duty, attachment to family life, individualism. An important role is played by the private sphere as a space of comfort, peace and harmony that protects a person from the outside world conflicts and threats. Biedermeier became a common noun for the image of private life which embodies the interests of the ordinary common man.

Key words: Biedermeier, bourgeois culture, privacy, individualism, coziness, home, Modern, culture of everyday life.

References

1. Ajrapetova, V. A. (2010). "Obraz obyvatelja kak kul'turnogo geroja jepohi v zhivopisi malyh gollandcev i bidermajera", *Carskosel'skie chtenija*, № XIV, t. I, p. 112 (in Russian).
2. Vershinina, N. L. (1994). "Bidermajer v russkoj proze i izobrazitel'nom iskusstve 1820–40-h godov", in E. Majmin, A., Je. V. et al. (eds.). *Spinina Problemy sovremennogo pushkinovedenija: sb. st.*, PGPI im. S. M. Kirova, Pskov, p. 179 (in Russian).
3. Lishaev, S. A. (2010). "Ujutnoe mesto (fenomen ujuta v jestetike prostranstva)", *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A. S. Pushkina*, № 4, t. 2, p. 146 (in Russian).
4. Ivanova, E. R. (2006). "Bidermejer: problema stilja", *Vestnik OGU*, № 9, ch. 1, p. 169 (in Russian).
5. Geismeyer, W. (1981). *Malerei des Biedermeier*, E. A. Seeman, Leipzig, S. 7 (in German).
6. Kudrjavceva, V. V. (2010). "Osobennosti stilja bidermajer, ego projavlenija v XXI veke", *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, № 11, p. 325 (in Russian).
7. Geismeyer, W. (1982). *Biedermeier*, E. A. Seeman, Leipzig, S. 39 (in German).
8. Schmidt-Lauber, B. (2003). *Gemütlichkeit: eine kulturwissenschaftliche Annäherung*, Campus, Frankfurt, S. 145 (in German).
9. Ibid., S. 156.
10. Geismeyer, W. (1982). Op. cit., S. 72.
11. Kudrjavceva, V. V. (2010). Op. cit., p. 225.
12. Golenok, G. V. (2009). "Fenomen povsednevnosti v kul'ture", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, № 2, p. 213 (in Russian).

13. Lutz, D. (2010). *Wie erkenne ich? Die Kunst des Biedermeier*, Belser Verlag, Stuttgart, S. 21 (in German).
14. Geismeyer, W. (1982). Op. cit., S. 74.
15. Ibid., S. 173.
16. Vershinina, N. L. (1994). Op. cit., p. 180.
17. Kudrjavceva, V. V. (2010). Op. cit., p. 226.
18. Golenok, G. V. (2009). Op. cit., p. 214.
19. Chesnokova, L. V. (2016). "Fenomen zhutkogo: opyt filosofskoj refleksii Frejda i Hajdeggera", *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, № 4 (66), ch. 1, p. 215–216 (in Russian).
20. Friedel, E. (1989). *Kulturgeschichte der Neuzeit*, Beck, München, S. 1003 (in German).
21. Nagel, J. (2008). *Carl Spitzweg – Besuche im glücklichen Winkel*, Belser Verlag, Stuttgart, S. 14 (in German).
22. Lutz, D. (2010). Op. cit., S. 96–97.
23. Lishaev, S. A. (2010). Op. cit., p. 146.
24. Chesnokova, L. V. (2013). "Gemütlichkeit (ujut) kak odin iz ključevykh konceptov nemeckoj kul'tury", *Filosofija i kul'tura*, № 8 (68), p. 1125 (in Russian).
25. Schmidt-Lauber, B. (2003). Op. cit., S. 59.
26. Vershinina, N. L. (1994). Op. cit., p. 182.
27. Nagel, J. (2008). Op. cit., S. 72.
28. Shopengaujer, A. (1993). "Aforizmy zHITEjskoj mudrosti", in Shopengaujer, A. *Izbrannye proizvedenija*, Prosveshhenie, Moscow, p. 217 (in Russian).
29. Schmidt-Lauber, B. (2003). Op. cit., S. 44–45.
30. Lishaev, S. A. (2010). Op. cit., pp. 147–148.
31. Ajrapetova, V. A. (2010). Op. cit., p. 108.
32. Golenok, G. V. (2009). Op. cit., p. 213.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	30.03.17	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	01.04.17
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	01.04.17	Опубликована <i>Published</i>	30.05.17

www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2017

© Чеснокова Л. В., 2017